

29754

БИБЛІОТЕКА ФИЛОСОФІИ ИСТОРИИ.
ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

А.-Д. Ксенополь.

~~36775~~

ПОНЯТІЕ ==
„ЦѢННОСТИ“
ВЪ ИСТОРИИ.

Переводъ съ французскаго
Н. И. НИКИФОРОВА.

КІЕВЪ.

Типографія Т. Г. Мейнандера, Пушкинская 20.
1912.

29754.

БИБЛІОТЕКА ФІЛОСОФІИ ІСТОРІИ.
ВЫПУСКЪ ПЕРВЫЙ.

А.-Д. КСЕНОПОЛЬ.

ПОНЯТІЕ ==
„ЦѢННОСТИ“
ВЪ ІСТОРІИ.

ПЕРЕВОДЪ СЪ ФРАНЦУЗСКАГО
Н. И. НИКИФОРОВА.

КІЕВЪ.

Типографія Т. Г. Мейнандера, Пушкинская 20.

1912.

Библіотека НКФ СССР

39

✓

ВНЕШНЯЯ ФИЛОСОФИЯ ИСТОРИИ

ВЫПУСК ПЕРВЫЙ

А. Д. КЕЧЕНОВЪ.

ПОИСКЪ
"ПРИНЦИПОВЪ"
ВЪ ИСТОРИИ.

85627

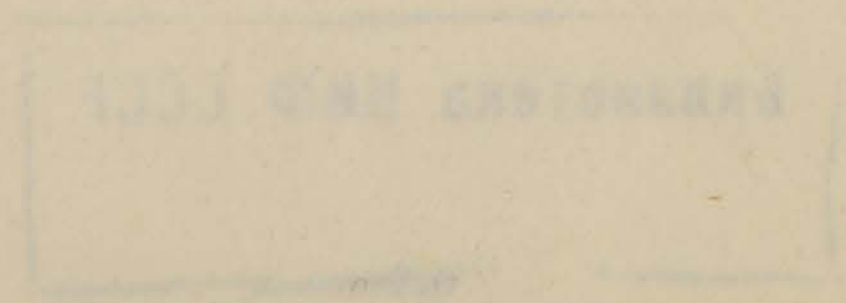
Н. Н. НИКОЛСОНОВА.
ПРЕДЪСѢДЪТЕЛЬСТВО

НИИ

Томскъ 17. Мемуары, 17-й томъ.

1912

Предисловіе переводчика.

Исторіософскія идеи профѣссора Яскаго Университета А.-Д. Ксенополя приобрѣли на западѣ широкую извѣстность послѣ выхода въ свѣтъ въ 1899 г. его капитальнаго труда „*Les principes fondamentaux de l'histoire*“. Послѣ этого А.-Д. Ксенополь далъ цѣлый рядъ весьма интересныхъ статей въ *Revue philosophique* и *Revue de synthèse historique*, въ которыхъ отвѣчалъ на возникшую по поводу его книги критику и, въ свою очередь, подвергъ основательному разбору философско-историческую теорію Генриха Риккерта¹⁾. Эта теорія хорошо знакома русскимъ читателямъ по русскимъ переводамъ сочиненій Г. Риккерта²⁾. Поэтому намъ кажется вполне своевременнымъ дать переводъ одной

¹⁾ Результатомъ этихъ статей было появленіе въ 1908 г. новаго, переработаннаго изданія основного труда А. Д. Ксенополя, подъ заглавіемъ „*La théorie de l'histoire*“.

²⁾ *Границы естественно-научнаго образованія понятій*, переводъ Водена, С.-пб. 1904.

Философія исторіи, переводъ Гессена, С.-пб. 1908.

Науки о природѣ и науки о культурѣ, переводъ Гессена, С.-пб. 1911.

изъ лучшихъ статей А.-Д. Ксенополя, являющагося весьма серьезнымъ противникомъ названной теоріи. Предлагаемая статья была помѣщена въ XI и XII томахъ (1905—6 г.) *Revue de synthèse historique* и представляетъ собою изложеніе и параллельную критику основныхъ положеній теоріи Г. Риккерта.

Понятіе „цѣнности“ въ исторіи.

I.

Нѣкоторые мыслители въ области теоріи исторіи требуютъ, для научнаго обоснованія этой дисциплины введенія въ ея организмъ понятія *цѣнности*.

Бернгеймъ приходитъ къ этой идеѣ путемъ слѣдующаго разсужденія: Духъ не имѣетъ возможности познать реальность во всемъ ея неисчерпаемомъ богатствѣ. Онъ долженъ дѣлать выборъ существеннаго и пренебрегать остальнымъ. Въ естественныхъ наукахъ, или, точнѣе, наукахъ о законахъ, этотъ выборъ совершается путемъ подчиненія феноменовъ процессу обобщенія; въ исторіи, т. е. въ послѣдовательномъ изложеніи человѣческихъ дѣйствій, общія понятія или элементы исчерпываются стремленіемъ человѣчества достигнуть извѣстныхъ цѣлей. „Этотъ психо-телеологическій элементъ, присущій человѣческимъ дѣйствіямъ, позволяетъ абсолютное познаніе и оцѣнку цѣлей, средствъ и мотивовъ, а также ихъ взаимоотношеній, т. е. позволяетъ дѣлать сужденія относительно ихъ *цѣнности*. Только этимъ путемъ можно отличить важное для историческаго познанія отъ неважнаго“ ¹⁾.

¹⁾ *Bernheim*, Lehrbuch der historischen Methode, 1903, стр. 704 и сл. Ср. стр. 94.

Виндельбандъ въ своей статьѣ „Наука и исторія передъ современной логикой“ резюмируетъ свой взглядъ, тождественный съ взглядомъ Бернгейма, слѣдующимъ образомъ: Вопреки всеобщей необходимости, отличительными признаками историческихъ событій являются—единственность, индивидуальность, неповторяемость; но это не единственные признаки и не самые знаменательные. Всякій реальный фактъ есть единственное и индивидуальное явленіе; однако, существуетъ безчисленное количество событій и процессовъ, не содержащихъ въ себѣ ничего историческаго. Что же нужно, чтобы единственное сдѣлалось, или могло сдѣлаться, историческимъ фактомъ? Заслуга Риккерта въ томъ, что онъ съ удивительной ясностью показалъ, что значеніе историческаго факта придается событію *отнесеніемъ къ цѣнности*. Подобно тому, какъ индивидуальный человѣкъ, будучи неспособенъ суммировать въ своей памяти всѣ детали того, чему онъ былъ свидѣтелемъ, сохраняетъ только тѣ и говоритъ только о тѣхъ, которые въ какомъ-либо отношеніи показались ему важными, или же обладаютъ въ его глазахъ *извѣстной цѣнностью*, — такъ и совокупность воспоминаній человѣчества (т. е. то, чѣмъ призвана стать историческая наука) составляется только изъ фактовъ и событій, представляющихъ какое-либо отношеніе къ *цѣностямъ, которыя опредѣляютъ жизнь рода*. Это единственное основаніе для выбора, извлекающаго „историческое“ изъ безконечнаго многообразія вообще „происходящаго“¹⁾.

Риккертъ посвятилъ этому вопросу о цѣнности болѣе подробное изслѣдованіе въ своихъ различныхъ

¹⁾ Windelband, La science et l'histoire devant la logique contemporaine, *Revue de synthèse historique*, t IX. 1904.

сочиненіяхъ относительно теоріи исторіи. Онъ анализируетъ это понятіе со всѣхъ точекъ зрѣнія, стремясь съ точностью опредѣлить его природу и освѣтить всѣ проистекающія отсюда слѣдствія.

Риккертъ начинаетъ съ того, что дѣлитъ науки на двѣ группы—науки, рассматривающія реальность въ ея общихъ элементахъ и образующія группу естественныхъ наукъ, и науки, образующія классъ историческихъ наукъ. „Реальность становится природой, когда мы рассматриваемъ ее съ общей точки зрѣнія; она становится исторіей, когда мы рассматриваемъ ее съ точки зрѣнія индивидуальной“¹⁾. Общее является само по себѣ средствомъ для выбора индивидуальных фактовъ. Но должна ли исторія заниматься единственно индивидуальнымъ, не имѣя никакого высшаго принципа для выбора фактовъ? Она также нуждается въ немъ, безъ чего она не была бы наукой, и этотъ принципъ есть ничто иное, какъ принципъ *культурныхъ цѣнностей*. Индивидуальный фактъ будетъ тѣмъ важнѣе, чѣмъ болѣе онъ можетъ быть связанъ съ высшей культурной цѣнностью духа. Такимъ образомъ, историкъ изъ безчисленной массы фактовъ долженъ принимать во вниманіе только тѣ, которые по своей индивидуальной особенности содержатъ сами по себѣ культурныя цѣнности, или же относятся къ нимъ. Итакъ, историческая наука обладаетъ, равно какъ и естественныя науки, высшимъ принципомъ научной организаціи; вообще же, въ исторіи не существуетъ естественнаго закона, для котораго каждый феноменъ является только

¹⁾ *Rickert*, Die Grenzen der naturwissenschaftlichen Begriffsbildung, 1896, стр. 255. Kulturwissenschaft und Naturwissenschaft, 1899, стр. 38. Geschichtsphilosophie, 1905, стр. 76 и слѣд.

частнымъ случаемъ; для нея важна именно *культурная цѣнность*, развивающаяся только въ единственномъ и индивидуальномъ и реализующаяся только посредствомъ его.

Чтобы создать эти понятія культурныхъ цѣнностей, необходимо обладать общей концепціей, т. е. нужно поставить цѣлью развитія цѣлую систему цѣнностей, а чтобы, въ свою очередь, опредѣлить послѣднія, надо обладать *абсолютной цѣнностью*, которая служить для измѣренія реальныхъ цѣнностей.

Виндельбандъ въ этомъ отношеніи идетъ еще дальше Риккерта. Онъ говоритъ, что „вопреки исторической относительности, разумъ обладаетъ правомъ противопоставить могучей системѣ историческихъ цѣнностей собственную цѣнность“. „Я могу въ подтвержденіе сказаннаго привести примѣръ Ж. Ж. Руссо, который, пользуясь этимъ внутреннимъ правомъ своего разсудочнаго чувства, осудилъ холодную, резонирующую цивилизацію эпохи просвѣщенія, показалъ ничтожество историческихъ цѣнностей въ наукѣ, искусствѣ, управленіи и, такимъ образомъ, поставилъ проблему современной цивилизаціи и философіи. Принимаютъ ли или отвергаютъ его требованія, послѣднія отъ этого остаются не менѣе живымъ доказательствомъ того, что разумъ обладаетъ правомъ, вопреки собственнымъ историческимъ проявленіямъ, хранить въ себя вѣру, которая превосходитъ время“¹⁾.

Тотъ же авторъ, анализируя смыслъ или цѣль исторіи и систему цѣнностей, которая должна служить ей маякомъ, помѣщаетъ послѣднія въ *моральной концепціи*. Онъ говоритъ, что „все это предполагаетъ, что

¹⁾ Windelband, La science et l'histoire, стр. 139.

наше пониманіе исторіи основано не на отдѣльныхъ цѣнностяхъ, присущихъ отдѣльнымъ индивидамъ и поддающихся психологическому анализу, но на *раціональныхъ, сверхъ-индивидуальныхъ опредѣленіяхъ цѣнностей*. Исторія, какъ наука, отличается отъ воспоминаній и разсказовъ отдѣльныхъ индивидовъ, семей, племенъ и народовъ тѣмъ, что ея выборъ фактовъ, ея пониманіе взаимной зависимости этихъ фактовъ, ея синтезъ изолированнаго матеріала, руководятся отношеніями, которыя она открываетъ между фактами и изолированнымъ матеріаломъ съ одной стороны, и цѣнностями, имѣющими *общій и необходимый характеръ*, съ другой. Исторія, какъ наука, т. е. *какъ наука о культурѣ*, возможна лишь постольку, поскольку существуютъ цѣнности, имѣющія общее значеніе и дающія намъ разумное основаніе для выбора и синтеза фактовъ. Но философское познаніе общихъ цѣнностей создается *моралью*, и, какъ это призналъ уже Шлейермахеръ, *мораль составляетъ теорію историческаго познанія*. Именно на нее опирается анализъ принциповъ, безъ котораго историческое изслѣдованіе не сдѣлало бы ни шагу, чтобы ориентироваться въ своемъ выборѣ среди безчисленнаго многообразія всего, что происходитъ“¹⁾.

Эта теорія цѣнности въ исторіи вызываетъ большое затрудненіе, которое не укрылось отъ проницательности Риккерта, и онъ стремится разрѣшить его и примирить со своей системой.

Онъ спрашиваетъ себя, не находится ли этотъ элементъ цѣнности въ противорѣчій съ сущностью науки? Въ самомъ дѣлѣ, требуютъ, чтобы историкъ

¹⁾ La science et l'histoire, стр. 137.

былъ объективнымъ, чтобы онъ не примѣшивалъ своего *Я* въ изложеніе прошедшаго. Если бы даже эта цѣль не была вполне достигнута, все же она ставится, какъ идеаль исторіи. Какъ примирить съ этимъ настоятельнымъ пожеланіемъ идею, согласно которой отнесеніе къ цѣнности должно составить интегральную часть исторической науки?

Мы полагаемъ, что есть только одинъ способъ пониманія термина цѣнности, дѣлающій очень легкимъ рѣшеніе этой задачи. Если, въ данномъ случаѣ, имѣть въ виду только интересъ къ окружающему насъ бытію, тогда понятіе цѣнности приложимо ко всѣмъ наукамъ; ибо какая-угодно научная дисциплина необходимо привлечетъ въ поле своихъ изслѣдованій только то, *что покажется важнымъ или существеннымъ* для познанія, и пренебрежетъ остальнымъ. Но тогда понятіе цѣнности не является специфическимъ для исторіи и принадлежитъ вообще всѣмъ наукамъ, что навѣрно, не является тѣмъ результатомъ, къ которому стремятся теоріи авторовъ, которыхъ мы имѣемъ ввиду, и которые желаютъ сохранить понятіе цѣнности исключительно для поля исторіи.

Однако, Риккертъ самъ призналъ, что понятіе цѣнности приложимо и въ естественныхъ наукахъ, потому что „здѣсь также можно съ полнымъ правомъ спросить себя, что онѣ должны выбирать, какъ важное, изъ безчисленнаго многообразія матеріала и на что онѣ должны направлять свою работу, чтобы создать составляющія ихъ понятія“ ¹⁾. Но онъ утверждаетъ то же самое и для исторіи, „которая также должна уметь отличать существенное отъ несущественнаго“.

¹⁾ Die Grenzen, стр. 315 и 326.

Намъ кажется, что оба эти мѣста полагають одинаковыя условія и для исторіи и для науки о природѣ, а именно — выборъ среди фактовъ только того, что важно, *что имѣетъ цѣнность для нашего духа*. Однако въ другомъ мѣстѣ Риккертъ говоритъ, что „историческое понятіе всегда относится къ какой-либо цѣнности, тогда какъ *естественныя науки совершенно свободны отъ этого*“. Онъ повторяетъ то же самое еще болѣе выразительно въ другомъ мѣстѣ, гдѣ онъ говоритъ, что „естественныя науки и исторія взаимно исключаютъ другъ друга не только въ принципѣ, въ силу того, что первая излагають общее, а вторая—индивидуальное, но еще и потому, что *первыя отвлекаются отъ всякаго рода цѣнности*, тогда какъ послѣдняя не можетъ обходиться безъ этого понятія, чтобы имѣть возможность различать важное отъ неважнаго“¹⁾. Однако, Риккертъ выше допускалъ, что естественныя науки также должны дѣлать выборъ среди изучаемыхъ ими фактовъ; слѣдовательно, *естественныя науки очевидно не могутъ абстрагироваться отъ всякой цѣнности*.

Чтобы не допустить противорѣчія между идеями Риккерта, нужно было бы предположить два смысла для понятія цѣнности: первымъ смысломъ являлся бы интересъ духа ко всему познаваемому, не исключая природы, другимъ же—спеціальный интересъ къ исторіи. Но Риккертъ какъ бы старается самъ разрушить зданіе, на которое онъ затратилъ столь значительный трудъ; такъ онъ говоритъ: „какъ въ естественныхъ наукахъ, такъ и въ исторіи содержаніе понятія (цѣнности) опредѣляется не *вещью* въ себѣ, но *познающимъ субъектомъ*,

¹⁾ Die Grenzen, стр. 550 и 631.

который рѣшаетъ, что важно и что неважно“. Итакъ, понятіе цѣнности почерпается и естественными науками и исторіей изъ одного источника, т. е. изъ оцѣнки познающаго духа; тогда оно тождественно для обѣихъ областей знанія. Но какъ, въ такомъ случаѣ, Риккертъ можетъ дѣлать изъ него элементъ, отличный только для исторической конструкціи? ¹⁾.

Риккертъ идетъ еще далѣе въ своихъ колебаніяхъ относительно понятія цѣнности. Онъ утверждаетъ, что „могутъ быть культурныя блага, которыя никогда не измѣняются; въ этомъ случаѣ нѣтъ исторіи“. Итакъ, авторъ допускаетъ, что понятіе цѣнности, относящееся къ культурнымъ благамъ, принадлежитъ не исключительно соціальной динамикѣ но также и статикѣ, что, впрочемъ, ничуть не удивительно, потому что это понятіе заимствовано изъ морали; болѣе серьезно то, что Риккертъ присоединяетъ къ этому наблюденію другое, имѣющее рѣшительное значеніе для оцѣнки его теоріи, а именно, что „если въ теченіе извѣстнаго времени какой-либо народъ не представляетъ развитія своихъ важнѣйшихъ культурныхъ цѣнностей, *то мы подчиняемъ его общимъ понятіямъ естественныхъ наукъ и говоримъ, что онъ не имѣлъ историческаго развитія*“ ²⁾. Итакъ, существуютъ культурныя цѣнности, не представляющія важности для исторіи, и, съ другой стороны, существуютъ культурныя цѣнности въ области естественныхъ наукъ. Для насъ въ этомъ заключеніи нѣтъ никакого противорѣчія, ибо если психологія также является естественной наукой т. е. наукой о законахъ, изучающей то, что постоянно повторяется въ духѣ, то весьма

¹⁾ Grenzen, стр. 630.

²⁾ Grenzen, стр. 579, 586.

естественно, что здѣсь находятся культурныя цѣнности, которыя не измѣняются. Но для Риккерта подобное признаніе равносильно отказу отъ всей его теоріи. Какимъ образомъ возможно сохранить понятіе цѣнности, даже, въ болѣе тѣсномъ смыслѣ слова, культурной цѣнности, для характеристики исторической дисциплины, если естественныя науки, *отъ которыхъ она должна быть отграничена именно этимъ понятіемъ культурной цѣнности*, также могутъ обладать имъ?

Однако, оставивъ на время въ сторонѣ этотъ недостатокъ научной точности въ логическомъ понятіи, которое должно бы быть самой точностью, и допустивъ второе значеніе термина цѣнности (культурной цѣнности, а не цѣнности научнаго интереса), какъ единственно истинное значеніе, какое Риккертъ присваиваетъ термину цѣнности въ исторіи, мы видимъ, что авторъ долженъ сдѣлать еще одно объясненіе для спасенія исторіи отъ опасности внесенія личнаго элемента въ ея бытіе. Авторъ говоритъ, что всегда нужно избѣгать положительныхъ или отрицательныхъ сужденій о фактахъ, т. е. оцѣнки ихъ. Въ самомъ дѣлѣ, говоритъ онъ, надо точно различать между *практической оцѣнкой* и *теоретическимъ отнесеніемъ факта къ культурной цѣнности*. Историкъ не долженъ оцѣнивать факты съ точки зрѣнія ихъ цѣнности; онъ долженъ разыскивать отношеніе, въ которомъ разсматриваемый имъ фактъ или личность находятся къ общимъ культурнымъ цѣностямъ политики, экономики, искусства, религіи ¹⁾. Это очень тонкое и непримѣнимое различіе, какъ то мы увидимъ изъ анализа идей Гротенфеля.

¹⁾ Geschichtsphilosophie, стр. 75.

Этотъ авторъ также опредѣляетъ различіе между науками о законахъ и историческими науками тѣмъ обстоятельствомъ, что „естественныя науки примѣняютъ, въ качествѣ принципа для выбора фактовъ, общія понятіе и законы, тогда какъ въ исторіи принципъ выбора заключается въ цѣнности, которую историкъ приписываетъ отдѣльнымъ фактамъ или отдѣльнымъ серіямъ фактовъ“¹⁾. Но Гротенфельтъ призналъ за этимъ элементомъ цѣнности болѣе или менѣе личный элементъ даже тогда, когда онъ примѣняется возможно болѣе косвеннымъ образомъ, посредствомъ отнесенія фактовъ къ общимъ цѣностямъ человечества. Такимъ образомъ, Гротенфельтъ стираетъ различіе, которое Риккертъ стремится ввести между личной оцѣнкой и отнесеніемъ фактовъ къ общимъ цѣностямъ. Но тогда спрашивается, какъ Гротенфельтъ можетъ найти въ цѣнности научный, аналогичный обобщенію, принципъ выбора, если онъ стремится всѣмъ ходомъ своего доказательства доказать, что этотъ элементъ долженъ нарушить научный характеръ исторіи, и пишетъ главу: „Исторія есть наука, несмотря на принятіе во вниманіе точки зрѣнія цѣнности“²⁾. Выводъ, къ которому приходитъ Гротенфельтъ, состоитъ въ томъ, что „мы должны признать, что самое понятіе нашей науки (исторіи) требуетъ раздвоенія: съ одной стороны надо абсолютно допустить оцѣнку цѣнности историческихъ фактовъ; съ другой—научное стремленіе побуждаетъ насъ свести до минимума вліяніе этого субъективнаго элемента“. Въ другомъ мѣстѣ авторъ приба-

¹⁾ *Grotenfelt*, Die Wertschätzung in der Geschichte, Leipzig, 1903, стр. 120 и 123, ср. 206.

²⁾ *Grotenfelt*, стр. 199: „Die Geschichte eine Wissenschaft, trotz der Berücksichtigung der Wertgesichtspuncte“.

вляеть: „Въ спорѣ о вопросахъ, относящихся къ исторической концепціи, изложеніе и развитіе мыслей истинныхъ историковъ носить весьма опредѣленную печать научнаго характера, хотя мы должны признать, что сюда примѣшивается извѣстная субъективная и ненаучная оцѣнка вещей съ точки зрѣнія общей концепціи исторіи“. Вотъ почему Гротенфельтъ дѣлаеть выводъ, что „поскольку вліяніе цѣнности обусловливаетъ только выборъ матеріала, оно не уничтожаетъ существенно научнаго характера исторіи; но если чистая наука стремится къ объективной истинѣ, то *нельзя претендовать на то, что исторія—чистая наука*¹⁾).

Приведенныя мѣста ясно доказываютъ, что Гротенфельтъ считаетъ абсолютную необходимость, по которой исторіи приходится имѣть отношеніе къ понятію цѣнности, подводнымъ камнемъ для научнаго характера этой дисциплины. Но, въ такомъ случаѣ, какъ можно дѣлать изъ цѣнности критерій, наподобіе закона, чтобы утверждать на немъ научную организацію исторіи?

Такимъ образомъ, понятіе цѣнности не можетъ имѣть иного смысла, кромѣ интереса, который вызываютъ въ нашемъ духѣ явленія вселенной, интереса, который проявляется въ болѣе или менѣе произвольныхъ актахъ оцѣнки. Въ наукахъ о законахъ цѣнность соединяется съ общими понятіями, которыя формулируются этими науками путемъ абстракціи; въ исторіи она должна бы быть представлена, согласно анализированнымъ мнѣніямъ, большими стереотипами человеческой культуры. Но мы не видимъ никакой разницы между способами оцѣнки цѣнности со стороны духа

¹⁾ *Grotenfelt*, стр., 202, 203 206.

въ двухъ направленіяхъ, въ которыхъ она можетъ проявляться.

Такимъ образомъ, въ наукахъ о законахъ цѣнность обобщеній также будетъ варьироваться сообразно духу тѣхъ, кто ихъ разсматриваетъ. Для астронома физическіе законы, способствующие астрономіи, представляютъ болѣе значительную цѣнность, чѣмъ тѣ, которые не имѣютъ къ ней никакого отношенія. Для врача медицинскія растенія представляютъ больше интереса, чѣмъ все прочее въ ботаникѣ. Если почти весь міръ приписываетъ большую цѣнность электрическимъ явленіямъ, то это потому, что по своимъ принципамъ и своему примѣненію, они касаются большого числа человѣческихъ интересовъ, теоретическихъ и практическихъ.

Оцѣнка научныхъ обобщеній, хотя бы и объективнаго характера, тѣмъ не менѣе носитъ личный оттѣнокъ, опредѣляемый родомъ занятія, которому духъ обыкновенно предается и которое побуждаетъ интересоваться однимъ классомъ явленій болѣе, чѣмъ другими. Это привнесеніе личности усиливается, когда явленія не просто регистрируются духомъ, но должны пройти сквозь призму извѣстныхъ идей, выработанныхъ заранѣе и господствующихъ надъ воспринимающимъ духомъ. Это часто бываетъ въ наукахъ о законахъ явленій духа. Адептъ экспериментальной психологіи будетъ приписывать большую цѣнность психологическому закону, доказуемому на опытѣ, чѣмъ всей области умозрительной психологіи; сторонникъ свободнаго обмѣна окажетъ больше вниманія тѣмъ статистическимъ колоннамъ, которыя подкрѣпляютъ его теорію, чѣмъ тѣмъ, которыя, повидимому, противорѣчатъ ей. Ученикъ Канта будетъ оцѣнивать матеріалистическія теоріи иначе,

чѣмъ сторонникъ эволюціонизма. Чѣмъ болѣе укрѣпляется личный элементъ въ оцѣнкѣ обобщеній, тѣмъ болѣе онъ компрометируетъ ихъ научный характеръ; но этотъ личный элементъ присутствуетъ даже въ самыхъ абстрактныхъ областяхъ науки, что объясняетъ, часто смѣшанные съ раздраженіемъ, споры въ средѣ ученыхъ по поводу извѣстныхъ теорій.

Примѣры, приведенные нами, доказываютъ въ то же время, что личный оттѣнокъ цѣнности присущъ не только исторіи, какъ то утверждаютъ теоретики исторіи, идеи которыхъ мы анализировали. Этотъ личный оттѣнокъ подчеркивается въ наукахъ, матеріалъ которыхъ почерпается изъ того же источника, который вырабатываетъ ихъ, въ наукахъ о духовныхъ явленіяхъ, *даже тогда, когда онъ не содержитъ ничего историческаго, но занимаютъ законами повторяющихся явленій духа.*

Съ другой стороны, мы найдемъ, что исторія не всегда связываетъ со своими изложеніями личныя оцѣнки. Напримѣръ, исторія физики, химіи, астрономіи, излагающая развитіе человѣческаго духа по отношенію къ этимъ наукамъ, не прикраситъ своего изложенія интересомъ иного рода, чѣмъ, самое большее, тотъ, который происходитъ отъ предпочтенія, оказываемаго обычнымъ занятіямъ. Но лишь только историкъ развитія, даже матеріальнаго, посмотритъ сквозь призму предустановленныхъ идей, какъ почувствуется оттѣнокъ личной оцѣнки. Это будетъ въ томъ случаѣ, если, напримѣръ, геологъ будетъ излагать и объяснять измѣненія земной коры согласно школѣ, къ которой онъ принадлежитъ т. е. къ школѣ, признающей катаклизмы, или къ школѣ медленныхъ измѣненій; біологъ также можетъ излагать происхожденіе видовъ согласно принятымъ заранѣе теоретическимъ идеямъ приспособ-

собленія къ средѣ или же естественнаго подбора. Теоріи, предвзятыя духомъ этихъ ученыхъ, повліяють на способъ оцѣнки цѣнности явленій, которыя они будутъ наблюдать.

Эта личная нота усиливается при изложеніи развитія человѣческаго духа и достигаетъ той же высоты, какъ и въ наукахъ о повторяющихся душевныхъ явленіяхъ. Напримѣръ, церковникъ будетъ оцѣнивать вліяніе религіи на развитіе иначе, чѣмъ человѣкъ науки; сторонникъ значенія научнаго или культурнаго развитія не удѣлитъ столько же вниманія политическимъ событіямъ; социалистъ помѣститъ центръ тяжести развитія въ экономическомъ элементѣ и съ меньшимъ уваженіемъ отнесется къ цѣнности другихъ областей эволюціи духа. Если мы будемъ продолжать ограниченіе интереса въ оцѣнкѣ цѣнности, то найдемъ, что портной, сапожникъ, парикмахеръ будутъ болѣе интересоваться исторіей костюмовъ, обуви, прически, чѣмъ исторіей классическихъ языковъ или литературы.

Каждый общественный классъ, каждый членъ группы религіозной, политической, артистической, каждый сторонникъ теоріи экономической, эстетической, философской, каждый оттѣнокъ тѣхъ различныхъ точекъ зрѣнія, на основаніи которыхъ духъ познаетъ вселенную, однимъ словомъ, каждое индивидуальное духовное свойство будетъ примѣнять къ явленіямъ индивидуальнымъ и общимъ, а, равнымъ образомъ, и къ общимъ формамъ человѣческой культуры, разную мѣру цѣнности, *независимо отъ того, будутъ ли явленія принадлежать къ наукамъ о законахъ (номологическимъ) или же къ историческимъ наукамъ.* Примѣненіе понятія цѣнности къ явленіямъ вселенной всегда будетъ сопровождаться оттѣнкомъ субъективности, но этотъ оттѣнокъ, едва за-

мѣтнѣй въ наукахъ о матеріальныхъ явленіяхъ, гдѣ гипотеза и предвзятая идеи не играютъ никакой роли, ясно обнаруживается въ наукахъ, въ которыхъ средствомъ для объясненія явленій служатъ теоріи, выработанныя духомъ, *будь то явленія естественныя или историческія*. Оттѣнокъ личной оцѣнки пропорціонально увеличивается въ наукахъ о явленіяхъ духа, такъ какъ послѣдній создаетъ теоріи, сквозь призму которыхъ освѣщаются изслѣдуемые явленія, опять таки *независимо отъ того, принадлежатъ ли явленія къ наукамъ о законахъ или же къ историческимъ наукамъ*.

Итакъ, личная нота неотдѣлима отъ идеи цѣнности; но она измѣняется въ интенсивности и становится весьма могущественной не для историческихъ явленій, какъ то утверждаютъ анализированные авторы, но именно для явленій духовныхъ, *независимо отъ того, принадлежатъ ли они къ естественнымъ (о законахъ) наукамъ о духѣ, или же къ наукамъ историческаго характера*.

II.

Колебаніе Риккерта по поводу того, слѣдуетъ ли вводить въ науку идею цѣнности въ значеніи конститутивнаго элемента, а не просто въ смыслѣ интереса, вызываемаго въ насъ всякимъ соприкосновеніемъ съ истиной, является весьма характернымъ симптомомъ сомнѣнія, съ которымъ боролся выдающійся логикъ; это же состояніе духа замѣтно также въ колебаніяхъ, среди которыхъ онъ находится по отношенію къ понятію цѣнности. Его усилія разсѣять эти колебанія путемъ различія, которое онъ утверждаетъ между прак-

тической цѣнностью и цѣнностью теоретической, не имѣють успѣха; возраженіе, какое можно сдѣлать ему по поводу введенія чрезъ понятіе цѣнности личнаго и противонаучнаго элемента въ организмъ исторіи, остается въ прежнемъ положеніи, какъ то мы показали анализомъ идей Гротенфелята.

Въ самомъ дѣлѣ, какъ возможно основывать научную организацію исторіи на элементѣ цѣнности, являющейся, въ послѣднемъ счетѣ, моральнымъ понятіемъ? Итакъ, это идея блага, введенная въ науку и поставленная условіемъ истины. Это требованіе абсолютно нелогично; вѣдь логика въ своихъ концепціяхъ можетъ принимать только истину, матеріальную или просто формальную, и никогда ничего иного. Логика есть наука; она можетъ заниматься только истиной. Всѣ прочія спеціальныя науки находятся въ томъ же положеніи. Исторія, если дѣло идетъ о томъ, чтобы придать ей научный характеръ, который у ней еще оспаривается, никогда не достигнетъ его, если основывать ее на моральныхъ понятіяхъ, какъ существенномъ элементѣ. Понятіе же цѣнности есть понятіе моральное.

Чтобы освободиться, насколько это возможно отъ неизбежности элемента цѣнности, который вводится въ изложеніе прошедшихъ явленій чаще всего безсознательнымъ образомъ, и невольно побуждаетъ насъ къ ихъ подразумѣваемой оцѣнкѣ, существуетъ только одно средство, а именно—воздерживаться отъ всякой оцѣнки и строго ограничиваться установленіемъ фактовъ, сообразно дѣйствительности, съ указаніемъ ихъ причинъ.

Оцѣнка всѣхъ точекъ зрѣнія—дѣло читателя. Онъ примѣнитъ понятіе цѣнности ко всѣмъ фактамъ, которые проходятъ предъ его глазами; эту оцѣнку онъ

совершаетъ сообразно тѣмъ идеямъ, которыя находятся въ его распоряженіи. Дѣло читателя судить и оцѣнивать факты. Историкъ не можетъ выполнять это дѣло разомъ за всѣхъ, и система цѣнностей, которую онъ примѣнитъ къ историческимъ фактамъ, не можетъ имѣть иной цѣли, кромѣ той, чтобы навязать свой образъ зрѣнія всѣмъ, кто будетъ его читать. Но этотъ образъ зрѣнія является результатомъ не его науки, а всего лишь его духовной организаціи; если историкъ, какъ человѣкъ науки, имѣетъ право требовать довѣрія къ результатамъ своихъ изслѣдованій, то никоимъ образомъ онъ не имѣетъ права также требовать, чтобы соглашались и съ его масштабомъ цѣнностей. Каждый читатель имѣетъ свой масштабъ, который можетъ быть для нѣкоторыхъ лицъ результатомъ образованія философскаго, юридическаго, художественнаго, экономическаго, превосходящаго образованіе историка и, во всѣхъ этихъ случаяхъ, почерпнутаго изъ иныхъ источниковъ. Въ этомъ отношеніи историкъ не можетъ навязать свое сужденіе, ибо это превышаетъ его миссію и компетентность.

Нужно замѣтить, что благо, равно какъ и красота, могутъ быть подчинены критерію истины, ибо благо есть истина въ сферѣ морали, а красота—истина въ сферѣ эстетики. Истина есть самое широкое понятіе, какое только можетъ охватить духъ, такъ какъ оно означаетъ соотвѣтствіе дѣйствительности или требованіямъ разума. Троица истины, красоты и блага въ этомъ отношеніи подобна христіанской Троицѣ, въ которой среди трехъ Божествъ, одной природы и равныхъ между собой, доминируетъ Богъ Отецъ.

Обратное положеніе, что красота и благо могли бы служить для опредѣленія идеи истины, не можетъ

быть допущено, такъ какъ обѣ эти идеи подчинены послѣдней.

Идея цѣнности не имѣла бы смысла, если бы она не служила мѣриломъ для фактовъ; но, чтобы измѣрять, надо сравнивать два количества или два качества. Когда дѣло идетъ о количествахъ, математики могутъ исключить произволъ, но когда вопросъ стоитъ о *качествахъ*, то невозможно вполне исключить личный элементъ. Этотъ элементъ достаточно уже, помимо нашего желанія, входитъ въ изложеніе прошлаго, такъ какъ, несмотря на всѣ усилія, мы не можемъ вполне освободиться отъ своего Я. Это Я является безпокойнымъ элементомъ, и надо стараться, сколь возможно, нейтрализовать его.

Вводя элементъ цѣнности въ исторію, его усиливаютъ, даютъ ему слишкомъ большой вѣсъ; въ этомъ случаѣ идутъ наперекоръ стремленію нашей эпохи очистить исторію, насколько это возможно, отъ личнаго элемента и придать ей объективный характеръ, который отличаетъ дѣйствительно научныя изысканія.

Понятіе цѣнности не можетъ быть допущено въ качествѣ научнаго основанія еще и по другимъ соображеніямъ. Всякое понятіе цѣнности относительно; даже мораль не является абсолютной и измѣняется сообразно времени и мѣсту. Риккертъ, кажется, допускаетъ, что существуютъ абсолютныя цѣнности и говоритъ, что „чѣмъ являются общіе законы для естественныхъ наукъ, тѣмъ служатъ для исторіи цѣнности, *признанные всѣми людьми*“. Но скоро авторъ переходитъ къ болѣе здравымъ идеямъ и говоритъ, что „не намъ рѣшать, является ли данный народъ историческимъ или же онъ находится въ естественномъ состояніи. Можетъ статься, что этотъ народъ считаетъ себя развившимъ цѣнности,

которыхъ мы не можемъ оцѣнить и, слѣдовательно, считаетъ себя совершившимъ историческое развитіе“¹⁾. Если мы не можемъ оцѣнивать извѣстныхъ цѣнностей, то стало быть мѣрило оцѣнки не имѣетъ всеобщаго абсолютнаго значенія. Такимъ образомъ, понятіе цѣнности, будучи, по признанію самого Риккерта, понятіемъ относительнымъ, не можетъ опредѣлять, что важно знать въ исторіи и что неважно. Относительное никогда не можетъ служить научной базой. Аксиомы всегда имѣютъ абсолютное значеніе.

Во вторыхъ, цѣнность фактовъ часто обнаруживается въ нашемъ духѣ инстинктивно; умственные свойства, воспитаніе, господствующіе принципы побуждаютъ насъ отдать предпочтеніе той или иной культурной цѣнности: на примѣръ, полагать центръ тяжести жизни и развитія въ экономикѣ, или въ культурныхъ понятіяхъ, или же въ юридическихъ и политическихъ формахъ; они побуждаютъ насъ видѣть въ пониженіи религіознаго чувства или въ роли школы элементы перваго порядка для будущности народа. Во многихъ случаяхъ наши сужденія о цѣнности опредѣляются совокупными силами нашего духа. Гротенфельтъ очень хорошо говоритъ по этому поводу: „Только изучая, анализъ и методъ работы великихъ мастеровъ исторіи, мы убѣждаемся, что выборъ фактовъ и примѣненіе оцѣнки къ нимъ совершаются безсознательно и инстинктивно, какъ нѣчто само собою подразумеваемое, при чемъ они не чувствуютъ необходимости въ уясненіи своего образа дѣйствій. Этотъ фактъ, кажется, также доказываетъ, что, по крайней мѣрѣ, во многихъ случаяхъ вы-

¹⁾ Grenzen, стр. 390 и 587.

боръ фактовъ совершается, какъ нельзя лучше, именно такимъ образомъ“¹⁾.

Но если такъ, то какъ возможно основывать на бессознательномъ вполне сознательное понятіе цѣнности, въ значеніи конститутивнаго элемента науки?

Теперь рассмотримъ теорію цѣнности съ другой точки зрѣнія.

Изъ того, что она понимается интересующими насъ авторами, какъ культурная, и даже какъ моральная, цѣнность, ясно, что она могла бы найти примѣненіе именно въ исторіи, излагающей развитіе человеческого духа. Такъ мы видѣли, что Бернгеймъ опредѣляетъ исторію, для которой онъ требуетъ понятія цѣнности, какъ послѣдовательное изложеніе *дѣяній человечества*; Виндельбандъ также считаетъ исторію совокупностью *воспоминаній человечества*; если же Риккертъ, повидимому, расширяетъ поле исторіи, опредѣляя ее, какъ дисциплину, которая занимается *прежде всего* духовными явленіями²⁾, то этимъ онъ вовсе не хочетъ сказать, что область исторіи распространяется также на развитіе неорганической и органической матеріи, но только то, что нѣкоторые матеріальные элементы, какъ, на примѣръ, раса и климатъ, также играютъ роль въ исторіи и не могутъ оставляться ею безъ вниманія. Кромѣ того, его неоднократныя утвержденія, что историческія цѣнности могутъ быть только *человѣческими цѣнностями*³⁾, дѣлаютъ для насъ вполне яснымъ, что исторія понимается Риккертомъ *исключительно, какъ развитіе человеческого духа*. Онъ дохо-

¹⁾ *Grotenfelt*, стр. 175.

²⁾ *Grenzen*, стр. 551, ср. 542 и 345.

³⁾ *Ibidem*, стр. 573, ср. 345, 366, 532, 554, 572.

доть даже до утверждєнія, что исторія можетъ быть опредѣлена, какъ наука о духѣ¹⁾.

Доказано ли съ логической точки зрѣнія это ограниченіе изслѣдованія исключительно развитіемъ духа, т. е. формулированы ли абсолютные принципы, управляющіе имъ? Нельзя оспаривать того, что развитіе чело-вѣчества въ духовномъ смыслѣ является только послѣднимъ, хотя и самымъ важнымъ, звеномъ, предше-ствовавшаго развитія, начало котораго теряется въ без-конечности началъ всего сущаго. Нельзя оспаривать непрерывности органическаго и интеллектуальнаго раз-витія чело-вѣческихъ расъ до появленія бѣлаго чело-вѣка, появленіемъ котораго природа положила предѣлъ органическому совершенствованію и перенесла эволю-цію въ иную область — область духа. Нельзя также оспаривать развитія органическихъ формъ, приведшаго ихъ отъ самой элементарной жизни къ чело-вѣческому бытію, и, хотя звено антропопитека еще не заполнено, тѣмъ не менѣе справедливо, что непрерывная цѣпь должна связывать чело-вѣка съ первыми проявленіями жизни. Наконецъ, нельзя оспаривать развитія земли, начиная съ туманности, изъ которой она вышла, до того, какъ она стала шаромъ, покрытымъ горами, изборозженнымъ теченіемъ рѣкъ, омываемымъ мо-рями, покрытымъ лѣсами, травой и цвѣтами, гдѣ въ изобиліи кишить жизнь, которая реветъ, мычитъ, поетъ и воркуетъ въ безконечномъ концертѣ всего, что дви-жется. Непрерывность эволюціи не можетъ быть оспа-риваема въ виду того, что раньше чѣмъ она доказана на опытѣ, она является постулатомъ разума. Нашъ духъ долженъ допустить ее, хотя для извѣстныхъ мо-

¹⁾ Ibidem, стр. 309.

ментовъ этой эволюціи мы принуждены, вмѣстѣ съ Дюбуа Реймономъ, сказать *ignoramus* и быть можетъ *ignorabimus*.

Мы полагаемъ, что руководящій принципъ исторической науки долженъ быть найденъ не только путемъ изученія послѣдняго звена, но также цѣлой цѣпи эволюціи. Нужно хорошо помнить, что дѣло идетъ о построении *новой части логики*, наряду съ дедуктивной логикой Аристотеля и индуктивной—Бэкона. Эта логика должна трактовать о *связи слѣдующихъ другъ за другомъ явленій*, потому что въ иномъ случаѣ она не имѣла бы своего *raison d'être*; мы не понимаемъ, какимъ образомъ принципы, извлеченные только изъ человѣческой исторіи, могутъ служить основаніемъ для логики послѣдовательныхъ явленій. Намъ кажется очевиднымъ, что эти принципы слѣдуетъ искать въ цѣломъ развитіи и присоединить сюда для исторіи духа только допускаемыя имъ частныя формулы.

Это кажется намъ очевиднымъ, и эта очевидность выдѣлится еще лучше, если мы изслѣдуемъ произвольныя, ускользающія отъ анализируемыхъ нами авторовъ, идеи, сквозь которыя пробивается истина, вопреки формулированнымъ ими теоріямъ: „дѣйствительно, для существованія истины нѣтъ ничего убѣдительнѣе противорѣчія, въ которое впадаютъ самые мощные умы, какъ только они уклоняются отъ нея“¹⁾.

Въ сущности, по мысли Риккерта, историческая концепція гораздо шире, чѣмъ то кажется вначалѣ, благодаря даваемому имъ опредѣленію исторіи, какъ дисциплины, трактующей исключительно объ индиви-

¹⁾ A. D. Xénopol, Les sciences naturelles et l'histoire, *Revue philosophique*, октябрь, 1900, стр. 379

дуальномъ; это опредѣленіе значительно превосходитъ не только поле исторіи, но и всего развитія. Та же идея явствуетъ изъ положенія автора, что существуетъ только одна эмпирическая реальность, доставляющая матеріалъ какъ для естественныхъ наукъ, такъ и для исторіи. Намъ кажется очевиднымъ, что эта эмпирическая реальность въ исторіи не можетъ быть сведена лишь къ одному человѣческому роду, такъ какъ въ этомъ случаѣ она доставляла бы тотъ же матеріалъ и для естественныхъ наукъ, главная область которыхъ находится, однако, внѣ человѣчества. Слѣдовательно, естественно допустить, что Риккертъ расширяетъ поле исторіи на всю область эмпирической реальности, неорганической, органической и мыслящей.

Но какъ примирить съ этимъ пониманіемъ исторіи (*lato sensu*), единственнымъ, которое можетъ служить основаніемъ логической теоріи, понятіе культурной или моральной цѣнности, рассматриваемой, какъ необходимый элементъ для научнаго построенія исторіи; понятіе, которое, по смыслу, придаваемому ему Риккертомъ, заимствовано только изъ области человѣческой исторіи? Какъ примирить исторію, *рассматриваемую самимъ Риккертомъ въ смыслъ развитія, вообще, реальности, т. е. солнечной системы, земли, формъ физической и культурной человѣческой жизни,*¹⁾ съ слѣдующими мѣстами, касающимися понятія цѣнности: „Предметы, чтобы стать историческими индивидуумами, могутъ быть относимы только къ *человѣческимъ цѣностямъ*“; или „главнымъ предметомъ, къ которому современный

¹⁾ Grenzen, стр. 410 и 515.

исторіографъ относить все остальное, является всегда *развитіе жизни человѣческаго духа*"; или „цѣнности, которыми ограничивается историческое изложеніе, всегда должны быть *человѣческими цѣнностями*"; или „три фактора опредѣляютъ характеръ исторіи: 1) бытіе, имѣющее цѣнность, есть духовное бытіе 2) *всеобщія цѣнности суть человѣческія цѣнности* 3) *человѣческія цѣнности суть соціальныя цѣнности*; культурныя цѣнности дѣлаютъ возможной исторію, и историческое развитіе является продуктомъ только культурныхъ цѣнностей“¹⁾.

Любопытно, что тѣ же противорѣчія мы встрѣчаемъ у Бернгейма, который, съ одной стороны, опредѣляетъ исторію, какъ „науку которая изучаетъ и излагаетъ явленія человѣческаго развитія одиночныя, типическія и коллективныя въ ихъ причинной связи, какъ продукты дѣятельности соціальныхъ существъ“, и допускаетъ, какъ мы это видѣли, что общія понятія наукъ о законахъ замѣняются въ научной организаціи исторіи *человѣчества* понятіями *человѣческихъ цѣнностей*; съ другой стороны, Бернгеймъ, проводя различіе между исторіей и естественными науками, въ то же время говоритъ, что „вездѣ, гдѣ дѣло идетъ о познаніи *развитія живыхъ существъ, даже въ области природы*, является все тотъ же характерный признакъ *историческаго познанія*: познаніе индивидуальнаго“²⁾. Въ другомъ мѣстѣ Бернгеймъ для подкрѣпленія своихъ мыслей прибѣгаетъ къ дарвинизму. „По какому праву, спрашиваетъ онъ, считаютъ теорію происхожденія видовъ

¹⁾ Grenzen, стр. 572, 574, 580. Ср. стр. 305, 345, 366, 532 и 554.

²⁾ Bernheim, Lehrbuch, стр. 6 и 57.

тріумфомъ науки и научнаго метода, *если не желаютъ признавать наукой исторію, которая поступаетъ такимъ же образомъ?* Кто оспариваетъ у исторіи ея научный характеръ, тотъ долженъ вычеркнуть изъ науки въ собственномъ смыслѣ всю ту сферу познанія, которая *объектомъ причиннаго объясненія имѣетъ явленія органическаго развитія*" ¹⁾.

Такимъ образомъ, теорія происхожденія видовъ трактуетъ объ органическомъ развитіи природы такъ же, какъ и исторія. Въ такомъ случаѣ зачѣмъ раздѣлять ихъ при изученіи ихъ логическаго характера?

Ясно, что нерѣшительность, недостатокъ ясныхъ и могущественныхъ доказательствъ смущаетъ мысль этихъ почтенныхъ ученыхъ и заставляетъ ихъ колебаться между двумя взаимно противорѣчивыми утвержденіями. Съ одной стороны, они желаютъ приберечь исторію для изложенія человѣческихъ судебъ; съ другой—они признаютъ, что эта исторія не можетъ быть отдѣлена отъ всего служащаго ей основаніемъ, т. е. отъ развитія матеріи, на которомъ выросъ духъ.

Риккертъ отвергаетъ даже мысль о томъ, что методъ естественныхъ наукъ можетъ быть приложимъ только къ матеріальнымъ явленіямъ, тогда какъ историческій методъ можетъ относиться только къ культурной жизни человѣчества, и указываетъ, что первый примѣръ *историческаго изложенія матеріальныхъ явленій* былъ данъ филогенетической біологіей. Эта наука стремится изобразить *единое* развитіе живыхъ существъ въ ихъ особенностяхъ. Какъ только пытаются рассказать о томъ, какія живыя существа появились впервые на землѣ, или, каковы были слѣдующія за

¹⁾ Ibidem, стр. 145.

ними, и какъ отсюда возникъ человѣкъ (вопросъ, на который теорія происхожденія сама по себѣ ничего не отвѣчаетъ), изложеніе дѣлается историческимъ. Такъ какъ въ послѣднее время были сдѣланы подобныя попытки, то нужно сказать, что онѣ содержатъ *историческую идею развитія тѣль*, тогда какъ прежде вопросъ трактовался исключительно съ натуралистической точки зрѣнія ¹⁾.

Но если такъ, если развитіе органическихъ формъ является также развитіемъ исторіи, то какъ можно ставить, въ качествѣ необходимаго *логическаго* элемента для организаціи этой науки, элементъ цѣнности, взятый только изъ человѣческаго развитія? Намъ кажется, что всѣ эти возраженія, адресуемая нами къ защитникамъ теоріи культурной цѣнности въ исторіи, остаются безъ отвѣта.

Надо замѣтить, въ самомъ дѣлѣ, что между принципами, управляющими развитіемъ матеріи, и тѣми, которые управляютъ развитіемъ духа, нѣтъ иной разницы, кромѣ той, что, чѣмъ формаціи дѣлаются выше, тѣмъ болѣе эти принципы обогащаются новыми элементами; но основанія, на которыхъ они покоятся, остаются одни и тѣ же.

Такъ, напримѣръ, главный принципъ, ставимый передъ всѣми прочими, какъ отличительный признакъ исторіи, — этотъ принципъ, согласно которому она имѣетъ объектомъ познаніе индивидуальнаго, при сопоставленіи съ науками номологическими, основывающими свои концепціи на общемъ, оказывается присущимъ не только развитію духа; онъ характеризуетъ всю эволю-

¹⁾ *Rickert, Ueber die Aufgaben einer Logik der Geschichte, Arch. für systematische Philosophie, VIII, 2, стр. 148, 149.*

цію—отъ первыхъ испареній матеріи до послѣднихъ продуктовъ цивилизаціи. Однако, никогда не замѣчали того, что эти индивидуальныя феномены являются таковыми лишь *по отношенію ко времени*, т. е., что они проявляются только разъ въ теченіе вѣковъ, чтобы затѣмъ никогда болѣе не появляться. По отношенію къ пространству они могутъ быть универсальными или болѣе менѣе всеобщими (развитіе нашей планетной системы, начиная съ первоначальной туманности; развитіе земли отъ ея охлажденія, послѣдовательная смѣна растеній и животныхъ на поверхности земнаго шара, послѣдовательная смѣна человѣческихъ расъ, смѣна доисторическихъ эпохъ—одни и тѣ же почти на всей поверхности земли; наконецъ, сюда относится частная исторія каждаго народа и каждой отрасли духовной дѣятельности).

Другой принципъ, также управляющій не только развитіемъ исторіи, но, вообще, всѣмъ развитіемъ, состоитъ въ томъ, что эволюція совершается закономерно, *хотя бы порождаемая ею образованія были индивидуальными образованіями по отношенію къ времени*. Въ эволюціи матеріи и органическихъ формъ дѣйствуютъ законы: естественнаго подбора путемъ борьбы за существованіе, наслѣдственной передачи свойства, атрофіи бездѣйствующихъ органовъ и развитія тѣхъ, которые постоянно находятся въ дѣйствіи. Тѣ же законы дѣйствуютъ и въ исторіи, при чемъ число ихъ увеличивается спеціальными законами развитія духа, напримѣръ, законами относящимися къ экономіи силъ, раздѣленію труда, спросу и предложенію, превращенію произвольныхъ дѣйствій въ инстинктивныя, ограниченности сознанія и т. д. Результаты дѣйствія всѣхъ этихъ законовъ различны въ зависимости отъ условій,

которыя могутъ быть постоянно тождественными, или же непрерывно измѣняющимися; въ первомъ случаѣ результатомъ будетъ *повтореніе*, во второмъ—*послѣдованіе*.

Третьимъ принципомъ вообще всякаго развитія является то, что прогрессъ всегда совершается высшими формами. Для исторіи человѣчества этотъ принципъ формулируется такъ: развитіе происходитъ въ верхахъ и идетъ *сверху внизъ*.¹⁾

Но эти основные принципы всего развитія пріобрѣтаютъ даже въ исторіи разное значеніе, когда ихъ принимаютъ для всей области эволюціи и когда ихъ формулируютъ исключительно посредствомъ фактовъ человѣческой исторіи.

Къ чему создавать, какъ то дѣлаетъ Риккертъ, особый классъ *относительно историческихъ* фактовъ, чтобы расширить аналогію между принципами собственно исторіи и развитіемъ матеріи? ²⁾ Цѣлое—это непрерывность матеріи и духа; часть—развитіе послѣдняго. Слѣдуя логикѣ, надо исходить изъ цѣлаго, чтобы создать принципы, управляющіе частью, а не заключать путемъ аналогіи отъ меньшаго къ большему.

Такимъ образомъ, понятіе цѣнности не можетъ принести пользу научной организаціи исторіи по слѣдующимъ соображеніямъ:

а) Оно не принадлежитъ къ области логики, будучи понятіемъ моральнаго характера;

б) Оно не можетъ быть абсолютнымъ понятіемъ; наука же не можетъ основываться на относительномъ;

¹⁾ *Xénopol*, Les principes fondamentaux de l'histoire, 1899, стр. 122.

²⁾ *Grenzen*, стр. 266.

с) Если придавать ему значеніе научнаго интереса, оно принадлежитъ всей области познанія и, слѣдовательно, не можетъ составить отличительнаго признака исторіи;

д) Если принимать его въ смыслѣ культурной цѣнности, оно примѣнимо ко всей области наукъ о духѣ, — къ наукамъ о законахъ послѣдняго и, равнымъ образомъ, къ наукамъ историческимъ;

е) Въ послѣднемъ случаѣ, оно взято только изъ области развитія духа, и не можетъ быть примѣнимо ко всей эволюціи.

Къ счастью, понятіе цѣнности бесполезно для превращенія исторіи въ научную систему истинъ. Мы попытаемся изслѣдовать истинное понятіе, которое должно выполнить эту роль.

III.

Мы удивляемся, какъ до сихъ поръ еще не замѣтили, гдѣ находятся тѣ общія группы, въ которыя можно расположить всякаго рода явленія послѣдованія, въ томъ числѣ явленія историческія. Однако, эти группы существовали всегда, съ перваго появленія исторической науки; съ другой стороны, общія понятія и законы были постигнуты (сначала практически) тотчасъ же, лишь только духъ сталъ стремиться овладѣть повторяющимися явленіями.

Общія группы явленій послѣдованія суть *серіи*, въ которыя соединяются индивидуальныя явленія развитія.

Раньше, чѣмъ приступить къ изученію серіи, чтобы указать ея отличіе отъ закона и сходство съ нимъ, замѣтимъ, что понятіе серіи не принадлежитъ, подобно

элементу цѣнности, исключительно человѣческому развитію и встрѣчается во всей области послѣдованія явленій. Такъ, въ развитіи земной коры сначала находимъ первоначальную серію преобразованій, вызванныхъ охлажденіемъ этой коры; затѣмъ, серіи вулканическихъ и осадочныхъ образованій, подраздѣляемые на періоды и характеризующіяся различной смѣняющейся фауной и флорой. Если перейти къ органическому развитію, то найдемъ серіи растений и животныхъ, которыя незамѣтнымъ образомъ измѣняютъ одни виды въ другія. Доисторическая эпоха человѣчества также представляетъ серіи развитія человѣческаго разума, о чемъ свидѣлствуютъ утварь, орудія и иные остатки, которые сохранились въ могилахъ и пещерахъ.

Хотя всѣ эти серіи отрывочны и неполны, тѣмъ не менѣе онѣ существуютъ; науки о развитіи матеріи стремятся заполнить промежутки въ этихъ серіяхъ, чтобы установить связь между ними. Въ человѣческой исторіи первыя серіи, серіи древнѣйшихъ цивилизацій также неполны; отъ тысячелѣтій осталось лишь нѣсколько фактовъ и именъ. Серіи становятся богаче содержаніемъ съ приближеніемъ къ нашему времени.

Констатируя эти несомнѣнные факты, мы убѣждаемся, что элементъ серіи развитія охватываетъ всю область послѣдованія. Съ логической точки зрѣнія это обстоятельство дѣлаетъ серію весьма пригодной для утвержденія отличительнаго элемента послѣдованія, ибо если, какъ того требуетъ Риккертъ, дѣйствительность можетъ быть воспринимаема только двумя способами—науками о повторяющихся явленіяхъ, посредствомъ общихъ понятій, и историческими науками, посредствомъ индивидуальных явленій,—то надо найти только *два элемента*, которые отличаютъ эти два способа

познанія дѣйствительности. Если же въ наукахъ о повторяющихся явленіяхъ находятъ характеризующій ихъ универсальный элементъ закона, то для наукъ о явленіяхъ послѣдованія также необходимъ элементъ, примѣнимый *ко всѣмъ* этимъ явленіямъ. Это условіе не можетъ быть выполнено моральнымъ понятіемъ цѣнности, которое подходитъ только человѣческому развитію, тогда какъ мы видѣли, что серія встрѣчается во всемъ теченіи эволюціи.

Теперь изслѣдуемъ, съ одной стороны, различія, а съ другой, общіе признаки между серіей и закономъ, чтобы дать себѣ отчетъ, пригодна ли первая, со всѣхъ точекъ зрѣнія, сдѣлаться характернымъ признакомъ наукъ о явленіяхъ послѣдованія.

Первая разница, которую мы замѣчаемъ между закономъ и серіей, касается ихъ отношенія ко времени.

Законъ есть результатъ конденсаціи всѣхъ однородныхъ феноменовъ въ одинъ типическій феномень. Онъ выражаетъ сущность всѣхъ этихъ феноменовъ, выдѣляя ихъ общій элементъ и пренебрегая не имѣющими значенія различіями. Такимъ образомъ, законъ есть обобщенный феномень. Онъ выражаетъ способность этого феномена бесконечно повторяться и, слѣдовательно, освободиться отъ сграничивающаго дѣйствія времени, хотя послѣднее и необходимо для его обнаруженія; обнаруженіе феномена не зависитъ отъ времени: онъ *всегда* совершается однимъ и тѣмъ же образомъ.

Серія носитъ совершенно иной характеръ. Всякая серія развитія связываетъ послѣдованіе фактовъ, исходящее изъ одного начала, восходитъ или опускается, чтобы привести къ результату, который даетъ имя серіи. Такъ, напримѣръ, серія *первоначальныхъ геологическихъ формацій* состоитъ изъ послѣдованія форма-

цій: дилувіальной, девонской, угольной и пермской; каждая изъ этихъ формацій, въ свою очередь, состоитъ изъ серій послѣдовательныхъ слоевъ. Серія *превращенія пресмыкающихся въ птицъ* отмѣчена слѣдующими видами (теперь исчезнувшими), въ организмъ которыхъ это измѣненіе проявляется все болѣе и болѣе характернымъ образомъ: *динозавры*—пресмыкающіяся, которыя могутъ подыматься для передвиженія на заднія лапы; *ornithocoles*—маленькія пресмыкающіяся, передвигающіяся прыжками; *comprognantes*—пресмыкающіяся съ головой птицы; *гадрозавръ*—съ настоящимъ клювомъ; *птеродактиль*, у котораго появляются первыя перепонки крыльевъ; наконецъ, *археоптериксъ*, у котораго, несмотря на остающіеся еще нѣкоторые признаки пресмыкающагося, уже появляются перья. У *гесперона* уже преобладаютъ признаки птицы, хотя не совсѣмъ исчезли и признаки пресмыкающагося.

Серія доисторической эпохи *каменнаго вѣка* проходитъ черезъ послѣдовательныя формаціи эпохъ: *чильйской, мустерійской, солютренской, и магдаленской*.

Развитіе англійскихъ свободъ, которыя ведутъ начало отъ норманнскаго завоеванія, развертывается въ многочисленныхъ событіяхъ и перипетіяхъ до конституціи 1688 г., которая окончательно закрѣпляетъ *тріумфъ конституціонализма*.

Усиленіе королевской власти во Франціи начинается съ Людовика XI; вступая въ отношеніе къ самымъ различнымъ фактамъ, она непрерывно укрѣпляется, и при Людовикѣ XIV достигаетъ апогея своего развитія, полного *тріумфа абсолютной власти*. Художественное возрожденіе возникаетъ въ Италіи при Николо Пизано и, все болѣе и болѣе глубоко проникая въ умы, завершается торжественнымъ *возвращеніемъ*

скульптуры и живописи къ прекраснымъ формамъ древности, тогда какъ въ Фландріи аналогичное движеніе приводитъ къ подражанію формамъ природы.

Историческая серія всегда является единственной и частной *по отношенію ко времени*, въ теченіе котораго она совершается и съ которымъ она неразрывно связана. Въ смыслѣ пространства она можетъ быть универсальной (напримѣръ, въ первоначальномъ измѣненіи туманности, изъ которой вышла наша планетная система), или болѣе менѣе общей (геологическіе перевороты, доисторическія эпохи), или болѣе менѣе индивидуальной (въ ходѣ человѣческой исторіи).

Серія развитія, составной элементъ исторіи, требуетъ времени для своей реализаціи; это же необходимо и для составляемаго ею цѣлаго—исторіи (*lato sensu*). *Безъ элемента времени нѣтъ развитія, нѣтъ эволюціи, нѣтъ исторіи.* Поэтому, не можемъ ли мы допустить, даваемое Риккертомъ, опредѣленіе исторіи *lato sensu*, т. е., „что подъ терминомъ *исторія* мы разумѣемъ всякое индивидуальное образованіе, а не только то, что обыкновенно обозначается этимъ терминомъ“? ¹⁾ Это опредѣленіе, конечно, слишкомъ широко, такъ какъ оно охватываетъ художественныя произведенія и географическіе элементы, также являющіеся индивидуальными образованіями, но сами по себѣ не содержащіе ничего историческаго. Въ другомъ мѣстѣ Риккертъ возвращается къ своему слишкомъ широкому понятію исторіи и говоритъ, что „вся эмпирическая реальность, среди которой мы живемъ, должна быть рассматриваема какъ историческій, *постоянно измѣняющійся*, процессъ“ ²⁾. Онъ подтверждаетъ эту точку зрѣнія и въ

¹⁾ Grenzen, стр. 286

²⁾ Grenzen, стр. 276.

другихъ мѣстахъ; на примѣръ: „Вѣсомая матерія, какъ скоро атомы массы разсматриваются какъ центры конденсаціи эфира, по сравненію съ вѣчнымъ эфиромъ, *есть лишь историческій процессъ, который, пожалуй, имѣетъ начало и конецъ, какъ все частное, о которомъ могла бы существовать исторія.* Историческая точка зрѣнія, а именно вопросъ о происхожденіи видовъ, выдвинулась на первый планъ въ біологіи. Отсюда не далеко было и до того, чтобы въ связи съ этимъ обратить вниманіе и на *историческій характеръ живого вообще; и въ самомъ дѣлѣ, теперь въ біологіи стало общепринятымъ разсматривать міръ живыхъ существъ, какъ однократный историческій процессъ, имѣвшій свое начало въ опредѣленный моментъ въ исторіи развитія земли и, вѣроятно, долженствующій когда-либо имѣть конецъ.* Въ такихъ изслѣдованіяхъ изложеніе должно принимать форму *историческаго изслѣдованія, т. е. рассказывать о томъ, что происходило въ прежнія времена.* Наука, которая не занимается тѣмъ, что приурочено къ опредѣленному пространству и времени, но тѣмъ, что имѣетъ значеніе всюду и всегда, при всемъ ея значеніи, не можетъ исчерпать нашу жажду знанія, ибо, наконецъ, мы желаемъ знать также то, что произошло въ томъ или иномъ мѣстѣ, въ тотъ или иной моментъ, что происходило раньше въ мірѣ? Что было и какъ возникло сущее? Отвѣтить на подобные вопросы можетъ лишь наука совершенно отличная отъ естествознанія“ ¹⁾.

¹⁾ Grenzen, стр. 275, 281, 277, 250. Эти цитаты еще болѣе подтверждаютъ указанное нами обстоятельство, что Риккертъ распространяетъ понятіе исторіи также на развитіе предшествовавшее развитію духа.

Такимъ образомъ, Риккертъ также признаетъ, что элементъ времени необходимъ для исторической конструкции, и, слѣдовательно, можно признать, что *историческое, т. е. развитіе, можетъ совершаться только во времени*. Но особенно важно замѣтить то, на что не указываетъ ни одинъ изъ интересующихъ насъ авторовъ, а именно, что *индивидуализація феноменовъ, изъ которыхъ слагается развитіе, является результатомъ модифицирующаго дѣйствія времени*.—Ибо, несмотря на распространеніе и общее значеніе, придаваемое имъ въ отношеніи къ пространству, они происходятъ только разъ во времени и никогда болѣе не произойдутъ. Индивидуальное въ исторіи, признанное всѣми мыслителями какъ необходимый элементъ послѣдованія, не можетъ существовать безъ вмѣшательства времени, и исторія можетъ считать въ своей связи только тѣ индивидуальные элементы, которые обязаны этимъ качествомъ вмѣшательству времени.

Риккертъ, однако, ошибается въ томъ мѣстѣ, которое мы приводимъ ниже, гдѣ онъ утверждаетъ, что ни время, ни пространство не являются необходимыми условіями для понятія общихъ законовъ. Онъ возвращается къ этой идеѣ еще болѣе яснымъ образомъ, говоря, что „общія понятія, законы, должны быть образованы такимъ образомъ, чтобы ихъ можно было примѣнить ко всякой формации вселенной: они должны быть независимы отъ элемента пространства и, равнымъ образомъ, времени“. Содержаніе понятія, которое должно служить для постиженія всей вселенной, не должно содержать въ себѣ ничего, что можетъ быть связано съ временемъ ¹⁾.

¹⁾ Grenzen, стр. 64.

Замѣчаніе Риккерта справедливо для времени, но не для пространства. Въ самомъ дѣлѣ, какъ можно представить себѣ законъ чередованія временъ года или измѣненія долготы дня и ночи *на землѣ*, если отвлечь его отъ пространства, на которомъ онъ совершается? Законы кристаллизаціи минераловъ для своего обнаруженія требуютъ матеріи этихъ минераловъ т. е. пространства. То же справедливо и для законовъ интеллектуальныхъ явленій: мозгъ является тѣмъ пространствомъ, въ которомъ они обнаруживаются. Что касается времени, то оно имѣетъ не столь объемлющее значеніе. „Это потокъ воды, который несетъ свои волны въ нѣдрахъ пространства и влечетъ всѣ феномены (ибо всѣ феномены, не исключая явленій повторенія, нуждаются въ немъ для своего обнаруженія), но растворяетъ только часть изъ нихъ, именно тѣ, изъ которыхъ составляется исторія. Для явленій повторенія и для управляющихъ ими законовъ, время не играетъ никакой роли въ ихъ проявленіи; тѣмъ болѣе ощутительна его роль въ явленіяхъ послѣдованія. Природа, въ самомъ обширномъ смыслѣ этого слова, и исторія порождаютъ свои феномены всегда въ пространствѣ, но въ исторіи время играетъ преобразовательную и, слѣдовательно, существенную роль; въ явленіяхъ повторенія время даетъ только возможность познанія ихъ“ ¹⁾.

Такимъ образомъ, серія отличается отъ закона отношеніемъ, въ которомъ она находится къ элементу времени; серія существуетъ только во времени, тогда какъ законъ не зависитъ отъ него.

¹⁾ A.-D. Xénopol, Les sciences naturelles et l'histoire, *Revue philosophique*, 1900.

Вторая разница, которую слѣдуетъ указать, между закономъ и серіей, состоитъ въ томъ, что законъ сохраняетъ только общіе признаки явленій, изъ которыхъ онъ выведенъ; всѣ входящія въ его составъ явленія, прошедшія, настоящія и даже будущія, исчезаютъ въ этомъ горнилѣ, въ которомъ они всѣ смѣшиваются въ единую амальгаму. Напротивъ, серія не уничтожаетъ явленій, изъ которыхъ она образована. Она допускаетъ существованіе ихъ въ цѣлости. Идеей, управляющей серіей и соединяющей всѣ индивидуальныя явленія въ высшемъ единствѣ, является связь между ними.

Это различіе между составомъ закона и серіи приводитъ къ весьма важному послѣдствію относительно способа, посредствомъ котораго духъ овладѣваетъ законами и серіями. Для обладанія закономъ достаточно знать его отвлеченную формулу, а познаваніе фактовъ, на которыхъ она основана, можетъ служить, самое большее, для повторенія опыта, послужившаго для ея выведенія. Иначе обстоитъ съ серіей. Такъ какъ она состоитъ изъ связи различныхъ явленій, остающихся во всей своей цѣлости, то обладаніе единственно абстрактной идеей, которая даетъ имя серіи, *безъ обладанія составляющими ее индивидуальными фактами*, является только псевдо-наукой, которая не обогащаетъ духа ¹⁾.

Причина, согласно которой законъ уничтожаетъ явленія, изъ которыхъ онъ выведенъ, тогда какъ серія сохраняетъ ихъ, указана Риккертомъ, который обра-

¹⁾ Впервые это глубокое замѣчаніе сдѣлалъ *Doormain*, Ueber Gesel und Gesetzmässigkeit, Bericht des Gymnasiums zu Brieg, 1887, стр. 28; затѣмъ *Rickert*, Geschichtswissenschaft und Naturwissenschaft, стр. 47.

щаетъ вниманіе на то, что общее въ исторіи отлично отъ общаго наукъ о законахъ. Ибо въ то время, какъ въ законѣ отдѣльныя явленія суть *образцы*, изъ которыхъ выведено общее понятіе,—въ исторіи общимъ феноменомъ (мы говоримъ *серіей*) является *цѣлое*¹⁾, по отношенію къ которому составляющія его явленія служатъ *частями*; цѣлое же не могло бы существовать, если бы исчезли составляющія его части.

Вотъ почему, какъ то замѣчаетъ выдающійся логикъ, книга котораго полна самыхъ интересныхъ наблюденій, въ наукахъ о законахъ болѣе общее понятіе содержитъ меньше элементовъ, чѣмъ частныя понятія, изъ которыхъ оно извлечено, согласно принципу абстракціи, по которому съ расширеніемъ понятія уменьшается его содержаніе. Но еще не обратили вниманія на то, что дѣло обстоитъ иначе въ наукахъ объ индивидуальномъ, такъ какъ здѣсь, *чѣмъ болѣе понятіе дѣлается общимъ, тѣмъ болѣе увеличивается его содержаніе*. Такъ, на примѣръ, въ географіи бассейнъ моря или рѣки богаче по содержанію, чѣмъ бассейнъ одного изъ притоковъ²⁾. Наблюденіе Риккерта приложимо въ точности къ серіямъ развитія, болѣе общимъ и въ то же время болѣе богатымъ элементами, чѣмъ составляющія ихъ явленія. Серія русско-турецкихъ войнъ содержитъ больше понятій, чѣмъ одна изъ нихъ: на примѣръ, война 1768—74 г., закончившаяся миромъ въ Кучукъ-Кайнарджи; серія французской революціи—больше, чѣмъ эпоха Законодательнаго Собранія.

Мы замѣтимъ еще, что уже только обращеніе отношенія между объемомъ и содержаніемъ понятій въ

¹⁾ Grenzen, стр. 393—4.

²⁾ Grenzen, стр. 407—8.

наукахъ объ общемъ и индивидуальномъ доказываетъ, что къ нимъ не могутъ быть примѣнены одни и тѣ же логическіе принципы и что, слѣдовательно, необходимо создать логику наукъ объ индивидуальномъ, и, прежде всего, для явленій послѣдованія.

IV.

Теперь мы изслѣдуемъ нѣкоторые другіе признаки серіи, которые, хотя и продолжаютъ отличать ее отъ закона, но въ то же время выясняютъ ея логическую функцію, тождественную функціи закона и дающую ей возможность служить факторомъ организаціи для историческихъ наукъ.

Прежде всего начнемъ съ замѣчанія, что серіи присущъ болѣе объемлющій общій элементъ, чѣмъ составляющимъ ее индивидуальнымъ явленіямъ; даже Риккертъ (придающій столько значенія индивидуальному характеру историческихъ явленій) допускаетъ этотъ общій элементъ, различая общее въ исторіи отъ общаго въ естественныхъ наукахъ. Этотъ элементъ по своей природѣ необходимо является совершенно инымъ, чѣмъ тотъ, который служитъ для созданія закона, ибо, несмотря на свой объемъ, онъ тѣмъ не менѣе остается индивидуальнымъ элементомъ *по отношенію ко времени*, т. е. проявляется только разъ, чтобы никогда затѣмъ не повториться. Такимъ образомъ, это элементъ въ одно и то же время *общій*, ибо онъ распространяется на нѣсколько частныхъ понятій, сразу схватываемыхъ духомъ, и *индивидуальный*, ибо общее понятіе, обозначаемое серіей, встрѣчается во времени только разъ.

Вполнѣ справедливо утверждаютъ, что развитіе и исторія должны заниматься только индивидуальными

фактами, и Риккертъ не упускаетъ случая освѣтить это обстоятельство со всѣхъ точекъ зрѣнія. Онъ только опускаетъ наиболѣе отличительную черту индивидуализаціи явленій послѣдованія, именно то, что *она имѣетъ мѣсто только вслѣдствіе участія времени*, хотя онъ и былъ вынужденъ допустить намекъ на нее въ нѣсколькихъ приведенныхъ нами мѣстахъ.

Однако не слѣдуетъ слишкомъ настаивать на индивидуальномъ характерѣ явленій, которыми занимается историческая наука, такъ какъ это могло бы вызвать мысль, что исторія или развитіе допускаетъ въ свою область факты, не связанные никакой высшей связью. Въ этомъ случаѣ научное познаніе этой стороны дѣйствительности оказалось бы невозможнымъ. Однако, геологія, теорія происхожденія видовъ и исторія суть науки. Дѣло лишь въ томъ, чтобы дать себѣ отчетъ относительно элемента, придающаго имъ научный характеръ. Этимъ элементомъ является *серія, всеобщая по отношенію къ своей формѣ, индивидуальная по отношенію ко времени*.

Тотъ фактъ, что серія не повторяется во времени, не имѣетъ значенія для научной организаціи историческихъ дисциплинъ. Важно то, что этотъ всеобщій элементъ служить для связи нѣсколькихъ частныхъ случаевъ, т. е. облегчаетъ ихъ познаніе и помогаетъ духу овладѣть феноменами и господствовать надъ ними; это процессъ, вполне тождественный тому, который сообщаетъ дѣятельность понятію закона въ повторяющихся явленіяхъ. Для того, чтобы познаніе пріобрѣло научный характеръ, необходимо, чтобы оно протекало *въ общихъ формахъ абстрактныхъ понятій*, а это происходитъ одинаково, какъ посредствомъ серіи, такъ и посредствомъ закона.

Справедливо, что серія относится только къ одному ряду феноменовъ. Такъ, наримѣръ, серія, полагающая начало англійской конституціи, состоитъ только изъ событій, имѣющихъ отношеніе къ послѣдней; но законъ оказывается точно въ такомъ же положеніи. Законъ также охватываетъ только одинъ классъ представленныхъ типическими феноменами, обобщенныхъ феноменовъ; наримѣръ, законъ, по которому извѣстные минералы кристаллизуются кубически, управляетъ кристаллизаціей только этихъ минераловъ; законъ, по которому уголъ отраженія луча равенъ углу его паденія, управляетъ только явленіями свѣта. Такимъ образомъ, если серія воспроизводитъ развитіе частнаго послѣдованія, то законъ также воспроизводитъ *способъ проявленія частнаго повторенія*. Если же частные законы основываются на законахъ болѣе общихъ, до послѣднихъ возможныхъ границъ абстракціи, то меньшія серіи также входятъ въ составъ серій съ большимъ содержаніемъ; послѣднія по отношеніи къ составнымъ серіямъ играютъ ту же роль, какую играютъ болѣе широкіе законы по отношенію къ частнымъ. Такъ, наримѣръ, съ одной стороны, мы имѣемъ законъ поднятія воздушныхъ шаровъ, управляемый закономъ паденія тѣлъ, который, въ свою очередь, управляется закономъ тяготѣнія; съ другой стороны, мы имѣемъ серію итальянскихъ войнъ, входящую въ составъ серіи упроченія королевской власти, а эта серія входитъ въ составъ исторической серіи современной цивилизаціи.

Серія и законъ равноцѣнны по отношенію къ обобщающей силѣ, и въ этомъ состоитъ единственный элементъ, на которомъ наука воздвигаетъ свою систему истинъ.

Другая аналогія, которая сближаетъ съ логической точки зрѣнія серію съ закономъ, несмотря на глубокую

разницу, раздѣляющую ихъ по существу, дается способомъ, примѣняемымъ для собственной организаціи этими двумя главными элементами научной мысли.

Законъ, въ качествѣ способа, который соединяетъ тождественныя индивидуальныя явленія, чтобы сразу охватить ихъ, употребляетъ *обобщенія*. Серія связываетъ различныя индивидуальныя явленія цѣпью *причинности*.

Эта тѣсная причинная связь придаетъ научный характеръ изложенію развитія и исторіи. Покуда послѣдовательныя явленія только помѣщаются одно за другимъ, безъ вниманія къ причинной связи, которая соединяетъ ихъ въ серіи послѣдованія (какъ поступали и еще теперь поступаютъ многіе историки), можно имѣть матеріаль, но не науку исторіи. Такъ же обстоитъ и съ явленіями повторенія: покуда послѣднія собраны одно къ одному, но еще не извѣстны принципы, связывающіе ихъ въ законы, имѣются лишь матеріалы для наукъ, но не сами науки.

Эта устанавливаемая нами разница между закономъ, который основывается на обобщеніи, и серіей, которая имѣетъ основаніемъ причинность, можетъ на первый взглядъ показаться шокирующей, такъ какъ она прямо противорѣчитъ нѣкоторымъ ходячимъ идеямъ, которыя мы считаемъ совершенно лишеннымъ всякаго основанія: именно, что только міръ естественныхъ явленій можетъ быть подчиненъ закону причинности, тогда какъ міръ духа вполнѣ изъять отъ него; что природа повинуется необходимости, тогда какъ духъ свободенъ. Мы не замедлимъ опровергнуть эти и подобныя имъ концепціи.

Мы не желаемъ, благодаря этому различію, оспаривать у наукъ о явленіяхъ повторенія изслѣдованіе

причинъ, но мы возстаемъ противъ недоказаннаго притязанія, которое считаетъ главной цѣлью, такъ называемыхъ, точныхъ наукъ открытіе причинъ феноменовъ. Мы оспариваемъ эту точку зрѣнія и, вмѣстѣ съ Огюстомъ Контомъ, Клодомъ Бернаромъ, Липпманомъ и другими представителями точныхъ наукъ, говоримъ, что эти науки обыкновенно занимаются тѣмъ, какъ совершаются феномены, а не *почему*, и что *естественныя науки* стремятся только познать законы явленій природы, а не ихъ сущность.

Причинное объясненіе есть роскошь, которую охотно можно позволить себѣ для нѣкоторыхъ вопросовъ (такимъ объясненіемъ для законовъ Кеплера и закона паденія тѣлъ является всеобщій принципъ тяготѣнія; для явленій теплоты — законъ расширенія тѣлъ), но нельзя дѣлать изъ него необходимаго условія всякаго научнаго познанія явленій повторенія.

Если признать, какъ того желаютъ нѣкоторые авторы, что существованіе законовъ допускаетъ причинное объясненіе феноменовъ, то пришлось бы удовольствоваться весьма малымъ. Напримѣръ, на вопросъ, *почему* уголь отраженія свѣтового луча равенъ углу его паденія, послѣдовалъ бы отвѣтъ: *потому что* всегда такъ бываетъ; *почему* сѣрно-желѣзный колчеданъ кристаллизуется кубически? *потому что* всегда сѣрно-желѣзный колчеданъ кристаллизуется такимъ образомъ. Такое объясненіе можетъ быть только мнимымъ, потому что оно является тавтологіей, которая воспроизводитъ идею уже содержащуюся въ законѣ. Такъ какъ законъ есть только обобщенный феноменъ, то объясненіе феномена управляющимъ имъ закономъ являлось бы объясненіемъ феномена феноменомъ, а это абсурдъ.

Напротивъ, исторія, въ широкомъ смыслѣ слова, какъ наука, не существуетъ, если нельзя связать причинной связью явленія послѣдованія. Такъ, напримѣръ, простое перечисленіе—присяги Людовика XVI принятой Національнымъ Собраніемъ конституціи, его бѣгства въ Вареннъ, открытія ящика для писемъ, нападенія на Францію пруссаковъ и австрійцевъ, объявленія низложенія короля, преданія его суду и казни, такое перечисленіе не составило бы научной исторіи, которая возникаетъ по мѣрѣ того, какъ эти факты будутъ тѣснѣе и убѣдительнѣе связываться другъ съ другомъ при помощи причинной связи.

Отысканіе причины можетъ имѣть мѣсто въ явленіяхъ повторенія, и въ томъ случаѣ, когда эти поиски увѣнчиваются успѣхомъ, оно еще болѣе упрочиваетъ научную организацію, но оно здѣсь не является необходимымъ, тогда какъ *научная исторія безъ установленія причинъ, связывающихъ послѣдовательныя явленія, не существуетъ.*

То обстоятельство, что иногда причина извѣстныхъ явленій послѣдованія не можетъ быть установлена, не лишаетъ изложеніе развитія его научнаго характера, подобно тому какъ невозможность открыть законы нѣкоторыхъ явленій повторенія не лишаетъ научнаго характера изучающія ихъ дисциплины. Для существованія науки достаточно, чтобы она преслѣдовала исканіе истины путемъ законовъ или же серій въ той сферѣ, гдѣ она можетъ быть найдена. Напримѣръ, метеорологія является наукой, хотя большая часть ея феноменовъ до сихъ поръ не формулирована законами. Не существуетъ совершеннаго знанія, какъ не существуетъ и полнаго знанія. Океанъ истины безгра-

ниченъ; чѣмъ далѣе подвигаешься на его волнахъ, тѣмъ шире горизонтъ ¹⁾).

Этотъ элементъ причинности долженъ придать исторіи научный характеръ, ибо отысканіе причины въ исторіи не столь непродолжительно, какъ при изученіи явленій повторенія, гдѣ, разъ причина известна, она скоро касается тайны конечной причины; наоборотъ, въ развитіи всей вселенной существуетъ цѣпь причинъ и слѣдствій, слѣдующихъ другъ за другомъ отъ появленія первыхъ формъ бытія до высшихъ продуктовъ современной цивилизаціи. Всякая причинная послѣдовательная связь восходитъ въ главной своей части, если не къ происхожденію жизни или вселенной, то, по крайней мѣрѣ, къ происхожденію человека; только для отдѣльныхъ случаевъ и личностей послѣдовательная причинность также останавливается у конечныхъ причинъ. Слѣдовательно, можно оставить безъ вниманія конечную причину въ ея главныхъ элементахъ, ибо она удалена въ безконечность.

Всегда отвергали, какъ, такъ сказать, нѣчто само собой подразумѣваемое, идею, что исторія могла бы быть возведена въ систему координированныхъ истинъ. Но если допустить серію, въ качествѣ организующаго элемента въ исторической наукѣ, то мы не видимъ никакого затрудненія въ томъ, чтобы также найти въ послѣдовательной связи составляющую науку *систему классифицированныхъ истинъ*. Дѣйствительно, меньшія серіи входятъ въ болѣе широкія, а послѣднія также составляютъ звенья еще болѣе широкихъ, господствующихъ надъ ними, серій. Различные народы или же раз-

¹⁾ A.-D. Xénopol, La Causalité dans la succession, *Revue de synthèse historique*, 1904.

личныя психическія дѣятельности народовъ могутъ дать начало параллельнымъ или же координированнымъ серіямъ, такъ что три условія существованія научной системы—sub-ординація, supra-ординація и координація истинъ, встрѣчаются и въ развитіи и въ исторіи. Универсальная серія цѣлой эволюціи господствуетъ надъ всѣмъ развитіемъ, подобно тому какъ въ наукахъ о явленіяхъ повторенія великій принципъ сохраненія энергіи соединяетъ ихъ въ общую связь.

Нельзя оспаривать, что существуютъ серіи явленій послѣдованія въ развитіи матеріи, жизни и духа; что эти серіи составляютъ болѣе общія идеи постольку, поскольку онѣ распространяются на болѣе продолжительное время; что меньшія серіи, относящіяся къ болѣе ограниченному развитію, служатъ для образованія бóльшихъ серій, относящихся къ болѣе продолжительнымъ періодамъ; что многія серіи развиваются параллельно другимъ въ одни и тѣ же періоды; наконецъ, что одна универсальная серія связываетъ и заключаетъ въ своихъ безграничныхъ нѣдрахъ всѣ эти частныя серіи. Но *что же иное, какъ не научную систему, представляетъ собою это нагроможденіе истинъ*, и въ чемъ разница между этой системой и системой наукъ о законахъ, которая также содержитъ расположенныя іерархически истины?

Все, что можно возразить на это, состоитъ въ томъ, что первоначальный элементъ, характеръ содержащихся въ серіи общихъ истинъ, не является научнымъ элементомъ, такъ какъ онъ воспроизводитъ не то, что всегда происходитъ, но только то, что случается только разъ и никогда болѣе не произойдетъ. Вотъ къ чему сводится весь споръ о научномъ характерѣ исторіи, если разсматривать вещи съ истинной точки зрѣнія, какъ то

мы попытались сдѣлать, считая серію главнымъ организующимъ элементомъ научной системы исторіи.

Но если реальность представляетъ изслѣдованію эти два рода истинъ и если условія науки выполнены въ всѣхъ другихъ отношеніяхъ, то по какому праву желаютъ исключить изъ области науки изложеніе системы истинъ относительно постоянно измѣняющихся явленій? Вѣдь, въ концѣ концовъ, эти явленія *существуютъ* и не могутъ быть исключены изъ области реального, а между тѣмъ претендуютъ на исключеніе ихъ изъ области науки, являющейся зеркаломъ реального. Единственный мотивъ, на который можно бы сослаться, есть тотъ, что эти явленія не могутъ быть формулированы въ видѣ законовъ и что, такимъ образомъ, предвидѣніе и предсказаніе ихъ невозможно. Но это положеніе требуетъ доказательствъ; слѣдовало бы напечатать съ доказательства того, что реальность состоитъ только изъ явленій повторенія и что, слѣдовательно, отраженіе этой реальности въ нашемъ духѣ, составляющее науку, можетъ быть основано только на идеѣ закона. Однако, подобнаго доказательства представить невозможно, если не желаютъ выбросить изъ области познанія, наравнѣ съ человѣческой исторіей, развитіе вселенной, земли, организмовъ, развитіе, которое отъ начала до нашихъ дней представляетъ *постоянный характеръ непрерывнаго производства новыхъ формъ, которыя никогда не повторяются во времени.*

Если же возражаютъ, что система серій совершенно не соотвѣтствуетъ понятію научной системы, какъ оно опредѣлено логикой наукъ то мы на это отвѣтимъ, что эта логика неполна, какъ то мы видѣли выше по отношенію къ объему и содержанію; что она основывается только на части познанія реальности,

именно на той, которая касается явленій повторенія; что логика явленій послѣдованія еще ожидаетъ своего Аристотеля или Бэкона; что современная логика, признавая только законъ основой науки, не допускаетъ системы истинъ, возведенной на иномъ фундаментѣ и организованной иначе, чѣмъ та, которая имѣетъ, въ качествѣ организующаго элемента. понятіе закона; что нужно, чтобы философія и логика согласовались съ требованіями духа, который никогда не можетъ подчиниться философской рутинѣ. Если новыя истины, новыя системы и новыя науки, которыя развитіе духа вызываетъ изъ глубины неизвѣстнаго, не входятъ въ слишкомъ узкія рамки традиціонной логики, то мы полагаемъ, что слѣдуетъ расширить послѣднія и не отказывать новымъ гостямъ подъ предлогомъ, что негдѣ ихъ помѣстить. Итакъ, элементами, на которыхъ основывается научный характеръ дисциплинъ, трактующихъ о послѣдованіи, являются: *общее понятіе серіи и система, которую эти серіи составляютъ.*

Результаты нашего изслѣдованія служатъ къ утвержденію двухъ важныхъ истинъ:

1. Исторія есть дѣйствительно наука;
2. Понятіе цѣнности совершенно чуждо этой наукѣ, и нѣтъ никакой необходимости опираться на него, чтобы создать ее.

ИМѢЮТСЯ ВЪ ПРОДАЖѢ

ВЪ КНИЖНОМЪ МАГАЗИНѢ Н. Я. ОГЛОБЛИНА.

Наказы третьяго сословія Аррасскаго бальяжа въ 1789 г. Сочиненіе Н. И. Никифорова, Н. П. Руткевича и В. Н. Евстафьева подъ редакціей профессора П. Н. Ардашева. Кіевъ. 1911. Цѣна 1 руб.

Сеньеріальныя повинности по наказамъ третьяго сословія Этампскаго бальяжа въ 1789 г. Сочиненіе Н. И. Никифорова. Кіевъ. 1912. Цѣна 60 коп.

Цѣна 35 коп.